В ОЖИДАНИИ ПЬЕСЫ

Есть в гастрольной афише Красноярского театра спектакль «Вечно живые» В. Розова. Казалось бы, после превосходного, ныне живущего спектакля «Современника» и стяжавшего мировую славу фильма «Летят журавли» трудно по-новому, по-своему прочитывать давно написанную драму. Главный режиссер театра Г. Меньшенин и красноярские артисты сделали это. Мотив бессмертия героев, тема войны, как сурового духовного испытания, обращены в спектакле к людям вынужденного дня: в драматической судьбе Вероники, роль которой с редкой силой играет М. Меримсон, прозвучала напряженная мысль о цене нравственного компромисса, об ответственности перед собой и перед временем, о возрождении человека в атмосфере доверия и доброты. Правда и мужественная строгость повествования рождает в зрительном зале живой интерес и неослабевающее внимание.

Не только в «Вечно живых», но и в «Океане» А. Штейна Красноярский театр доказывает, что лучшие произведения советской драматургии — при самостоятельном, творческом подходе к ним — будут долго жить на сцене. Привлекает внимание постановка давней и не знавшей прежде сценического воплощения сатирической пьесы А. Софронова «Карьера Бекетова». В веселом и изящном спектакле «Однажды, в

новогоднюю ночь...» Э. Брагинского и Э. Рязанова, в его условно-театральной атмосфере неожиданно серьезно прозвучала мысль о людской близости и о «естественных чудесах» в жизни, которые оказываются вернее расчетливых вымыслов. Этот спектакль, где особенно хороши В. Долматова и Н. Тяк, в чем-то продолжает традицию старого русского водевиля. В комедии венгерского драматурга И. Эркеня «Тоот, другие и майор» театр предложил свою вариацию на тему «не сотвори себе кумира», но, к сожалению, мысль эта потерялась в чужой для пьесы, чисто бытовой обстановке.

Главное направление репертуарных поисков красноярцев определяется стремлением поставить на своей сцене большие, масштабные спектакли о революции и современности. Здесь с особенной остротой возникает общая для всего нашего сценического искусства проблема новой пьесы. В ожидании таковой — как и многие творческие коллективы страны — театр обращается за помощью к прозе. Так появились на его афише драматическая повесть по роману красноярского писателя А. Чмыхало «Половодье» и инсценировка «Арктического романа» В. Анчишкина, сделанная автором совместно с П. Павловским. Жизненный материал «Половодья», воссоздающего революционные события в Сибири, и «Аркти-

ческого романа», где речь идет о современниках, работающих в труднейших условиях Заполярья, исполнен героики и высокого драматизма.

В обоих спектаклях есть сильные сцены, еще раз убеждающие в том, сколь талантлива труппа Красноярского театра. Мы познакомились здесь с Н. Прозоровым, который в двух резко несхожих ролях — дед Гузырь и начальник рудника Батурина — обнаружил самобытность актерской натуры. Молодой актер Л. Темкин, прекрасно сыгравший в «Вечно живых» юного солдата Володю, в «Арктическом романе» дал набросок сложного характера человека изломанной судьбы. Постановщик этого спектакля В. Портнов одновременно открылся и как даровитый актер (современный молодой инженер — и сладострастный вешатель из колчаковской контрразведки). Чувствуешь незаурядную актерскую силу А. Шаланова в роли партизанского командира, удивляешься многогранности искусства В. Долматовой...

Русские классики драматической литературы дали искусству «пьесы жизни». Советские писатели открыли новые пути сближения драматургии с действительностью. Человеческие судьбы и характеры, раскрываемые в существенном жизненном конфликте, психологическая оправдан-

ность поступков, единство действия — это суть реалистической драмы.

«Половодье» и «Арктический роман» — произведения очень разные, но в них есть общие черты. Обе инсценировки представляют собою нагромождение иллюстраций к романам. Человек, который, по выражению Белинского, владычествует в драме, оказывается здесь жертвой писательского произвола, существом, совершающим ничем не вызванные поступки.

В центре конфликта «Половодья» (режиссер Г. Меньшенин) — судьба братьев Завгородних, крепких сибирских крестьян, которые разными путями приходят к революции. Что же побудило молодого хозяина Романа, вовсе не склонного к революционному переустройству жизни, стать активным партизаном? Почему Яков Завгородний, живущий по принципу «нас не трогай — мы не троем», оказывается стойким революционером? На эти вопросы на сцене нет даже видимости ответа, а значит, нет драмы. Даже в разорванных на куски ролях обнаруживается талант В. Дьяконова и В. Казачка, однако актеры лишены самого главного: правдивых драматических судеб своих героев.

Беспомощная инсценировка «Арктического романа» привела к тому, что спектакль — вопреки замыслу — отмечен черствым равнодушием к че-

ловеку. Герои здесь — словно игрушки, которые можно бросить и взять другие: так, на полуслове обрывается, видимо, серьезная драма в семье Романовых, ее сменяет опять же туманная драма начальника рудника Батурина.

В Красноярском театре не на словах, а на деле покончено с устаревшим понятием «амплуа». Это существенно, ибо так преодолеваются готовые схемы, многогранно раскрываются актерские дарования, а спектакли — если в их основе лежит подлинная драматургия — звучат свежо и неожиданно. В этом смысле опыт сибирского театра весьма ценен.

Но ведь и просчеты и заблуждения — если они осознаны — тоже вооружают опытом. Очевидно, невнимание красноярского коллектива к классике (на гастрольной афише есть одна горьковская пьеса — «Фальшивая монета») обкрадывает зрителей и тормозит творческое развитие театра.

Что же касается работы над современной прозой, то, всячески приветствуя активность театров в создании новых драматических произведений, надо закрыть доступ на сцену ремесленным, иллюстративным подобиям пьес, способным лишь принизить большую тему. В этом тоже урок встречи с Красноярским театром.

А. АНАСТАСЬЕВ.